

ГОСИННИ

САМПЕ

МАЛЫШ НИКОЛЯ

ВЕСЕЛИТСЯ

Machaon

Рене Госинни
Малыш Николая веселится
Серия «Малыш Николая»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014291

*Малыш Николая веселится : рассказы / Р. Госинни: Махаон, Албука-
Антикус; Москва; 2017
ISBN 978-5-389-13725-7*

Аннотация

Новые рассказы о весёлом, озорном мальчугане Николая снова подарят юным читателям радость встречи с их любимым героем! С этим обаятельным сорванцом и его друзьями никогда не бывает скучно. Поэтому каждый рассказ – это очередное приключение, проделка или игра. А уж на выдумки у этой компании фантазия никогда не иссякает...

Содержание

Мятеж	5
Зубной врач	14
Опля!	27
Свадьба Мартины	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рене Госинни

Малыш Николя веселится

© 2006 IMAV éditions / Goscinny – Sempé.

Художественные образы, сюжеты придуманы

Рене Госинни и Жан-Жаком Сампе.

Права на товарный знак сохранены за издательством
IMAV.

© Левин В. Л., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Machaon®

* * *

Жильберту Госинни

Мятеж

Вчера после обеда Жоффруа принёс в школу большой мяч, и на перемене Бульон (наш воспитатель) сказал ему:

– Не надо играть этим мячом; кончится тем, что вы что-нибудь разобьёте или нанесёте кому-нибудь травму.

Тогда Жоффруа взял мяч под мышку, отошёл подальше и, пока Бульон разговаривал с каким-то старшеклассником,

шарахнул ногой по мячу, но ему не повезло – мяч стукнулся о стену, отлетел прямо в руки Бульону, и Жоффруа заплакал. Бульон стал красным, сжал мяч, схватил за руку Жоффруа, и они пошли к директору. Жоффруа не вернулся в класс, потому что Бульон на два дня отстранил его от уроков.

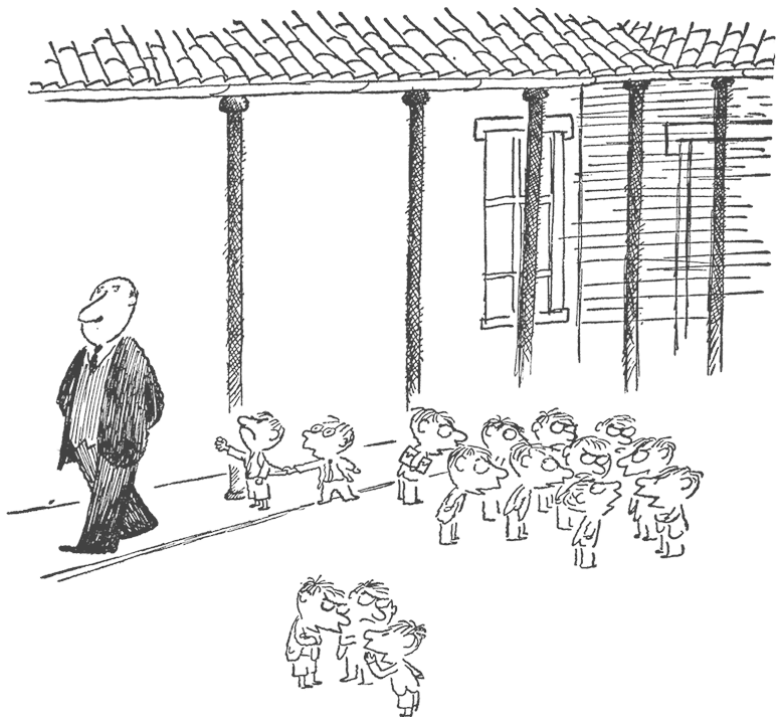
Когда мы шли домой, все были расстроены, потому что Жоффруа – наш друг, а когда вас отстраняют от уроков, бывают жуткие неприятности, и ещё потому, что Бульон конфисковал мяч, а без него на пустыре в футбол не поиграешь!

– Бульон не имел права так делать, – сказал Эд.

– Да уж, – сказал я.

– Права, может, у него и не было, но он сделал, – сказал

Руфюс.

– Вот как? – сказал Эд. – Ладно, мы ему покажем, что так нельзя! Знаете, парни, что мы сделаем? Завтра все явимся в школу вовремя, но, когда Бульон зазвонит на урок, мы не пойдём. А потом скажем Бульону: «Если вы хотите, чтобы мы поднялись в класс, отмените наказание Жоффруа и верните ему мяч!» И бац!

Идея была отличная, и мы закричали:

– Гип-гип, ура!

– Точно, – сказал Мексан, – они увидят, что с Бандой мстителей шутить нельзя!

Банда мстителей – это мы, а с нами правда шутить нельзя.

– Если вы хотите, чтобы мы поднялись в класс, отмените наказание Жоффруа и верните ему мяч, ну честно! Так мы и скажем Бульону, – заявил Эд.

– И бац! – добавил Клотер.

– Ну что, все согласны? – спросил Жоахим.

– Да! – закричали мы хором.

– Тогда до завтра, парни! – сказал Эд.

И он ушёл с Жоахимом, который живёт рядом с ним, и по дороге объяснял, что мы завтра скажем Бульону. Я был страшно горд, что состою в классной банде настоящих друзей, с которыми нельзя шутить. Альцест шёл рядом, жуя круассан; он вздохнул и, перед тем как уйти к себе домой, сказал мне:

– Завтра будет целая история!

В общем, Альцест был прав; будет целая история, а Бульон раз и навсегда усвоит, кто сильнее – он или мы.

Ночью мне спалось не очень хорошо; так всегда бывает, когда наутро надо делать что-нибудь особенное; и когда мама пришла сказать, что пора вставать, я уже проснулся и очень нервничал.

– Давай, давай вставай, лежебока! – сказала мама. Потом она посмотрела на меня и спросила: – Не хочешь вставать,

Николя? Что-то не так?

– Я себя не очень хорошо чувствую, – сказал я.

Это правда, мне было так себе; в горле стоял ком, слегка болел живот, а руки были холодные. Мама приложила руку к моему лбу и сказала:

– Ты и в самом деле немного влажный...

Папа, который только что вышел из ванной, зашёл в мою комнату и спросил:

– В чём дело? У нас утренние предшкольные симптомы?

– Вид у него на самом деле не очень хороший, – сказала мама. – Я подозреваю, что... Знаешь, у его приятеля Аньяна свинка, и...

– Но у Николя уже была свинка, – ответил папа. – Ну-ка высунь язык, феномен.

Я высунул язык, папа погладил меня по голове и сказал:

– Думаю, он выживет... Собирайся, дружище, а то опоздаешь. И не делай такое лицо; если днём тебе не станет лучше, в школу после обеда ты не вернёшься. Договорились?

Я встал. Выходя из моей комнаты, папа обернулся и спросил:

– Тебе, случайно, школа не надоела?

– Да нет, – ответил я.

Когда я пришёл в школу, ребята уже собрались во дворе; говорили все мало. У Клотера был больной вид, а Альцест ничего не жевал.

– Парни, вы Бульона видели? – спросил Эд. – Он уже не

будет так веселиться, вот!

– Да, – сказал Руфюс.

– Потому что, раз этого предателя Аньяна тут нет, идти в класс будет некому, а для уроков им нужны мы. Учительница не увидит нас и пойдёт к Бульону узнать, в чём дело, а когда она всё узнает, то пойдёт к директору жаловаться на Бульона. Мы хорошо посмеёмся, вот увидите!

– А как мы это сделаем? – спросил Клотер.

– Когда Бульон зазвонит, – стал объяснять Эд, – все остальные построятся, а мы останемся здесь и никуда не пойдём. Тогда Бульон подойдёт к нам спросить, почему мы не строимся, а мы ответим: «Отмените наказание Жоффруа и верните ему мяч или на уроках нас не будет!»

– А кто ему скажет? – спросил Клотер.

– Ну не знаю, например, я, – сказал Эд, – ты, ты или ты.

– Я? – спросил Руфюс. – Почему я? В конце концов, идея-то твоя!

– Всё ясно, – сказал Эд. – Ты предатель? Я так и думал.

– Я предатель?! – закричал Руфюс. – Нет, месье, я не предатель! Но я не люблю, когда меня держат за дурака! Легко предлагать другим – а вот попробуй сам!

– Точно! – сказали Клотер и Мексан.

– И вообще, я тебе не подчиняюсь! – закричал Руфюс. – Ты не вожак банды!

– Раз так, ты больше не в банде! – сказал Эд.

– Ну и ладно, тем лучше! Не, ну честно! – крикнул Руфюс. – Я не трус, чтобы слушаться тебя, оттого что ты орёшь громче всех!

И Руфюс убежал.

– Пусть валит, – сказал Эд. – Нам в банде предатели не нужны.

– Ну да, – сказал Мексан. – Но в одном он прав – ты нам не командир!

– Да? Хорошо, можешь присоединиться к этому предателю! – заорал Эд.

– Отлично! – закричал Мексан. – Я не люблю, когда мной командуют!

И он ушёл с Клотером и Жоакимом.

– Раз мы остались втроём, – сказал Альцест, – смысла больше нет. Уроки начнут без нас, а мы будем наказаны.

– Ты такой же предатель, как остальные, вот что, – сказал Эд.

– И вообще, зачем Жоффруа валял дурака?! – закричал Альцест. – Бульон ему не разрешил играть этим мячом, вот

и не надо было строить клоуна!

– Так ты теперь на стороне Бульона? – спросил Эд.

– Я ни на чьей стороне, – ответил Альцест, – просто не хочу, чтобы меня отстраняли от уроков из-за какого-то непослушного болвана! А потом дома у меня будет скандал и меня лишат сладкого. Так что, если этот идиот попал мячом в Бульона, я не буду есть клубнику со сливками? Застрелийтесь!

И Альцест ушёл, кусая толстый бутерброд с сыром.

– Ну что, иди, иди! – закричал мне Эд. – Чего ты ждёшь? Ты ведь тоже предатель?

– Я предатель?! – закричал я. – Не больше, чем ты! Повтори, что сказал!

Мы не успели подраться, потому что зазвенел звонок и мы пошли строиться, но на ходу я сказал Эду:

– На следующей перемене я тебе покажу! Посмотрим, кто из нас предатель!

Зубной врач

Мы заканчивали завтрак, когда мама сказала папе:

– Я договорилась, у Николая сегодня после обеда встреча
с дэ-а-эн-тэ-и-эс-тэ-о-эм.

Папа перестал складывать свою салфетку, вытаращил на
маму глаза и спросил:

– С кем?

– С дантистом, – объяснил я. – Я не хочу идти!

Мама сказала, что к зубному врачу надо сходить, потому что у меня уже несколько дней болят зубы, а после посещения врача болеть не будут. Я объяснил маме, что волнуюсь не из-за того, что случится после, а из-за того, что будет во время посещения. Потом я заявил, что зубы у меня совсем не болят, и стал плакать.

Тут папа стукнул рукой по столу и крикнул:

– Николя, как тебе не стыдно! Я не люблю, когда хнычут! Ты уже не младенец, веди себя как мужчина. Зубной врач не сделает тебе больно; он очень добрый и даст тебе конфет. Всё, ты будешь храбрым и пойдёшь с мамой к врачу.

Тогда мама сказала, что к дантисту меня отведёт папа, потому что свидание назначено и для него. Папа, похоже, очень удивился. Он стал говорить, что ему надо на работу, но мама напомнила, что он взял отгул на вторую половину дня, почему визит к врачу и назначен на послеобеденное время. Папа сказал тоненьким голосом, что зуб ему не слишком мешает и можно перенести всё это на потом. Он посмотрел на маму, поглядел на меня, и мне показалось, что ему тоже захотелось плакать.

После обеда мы всё-таки отправились с папой к зубному врачу. Нельзя сказать, что в машине мы очень веселились. Я никогда не видел, чтобы папа ехал так тихо; судя по виду, он очень сильно задумался. Потом, не глядя на меня, он сказал:

– Николя, между нами, мужчинами... Что ты думаешь, если мы прогуляем визит к дантисту? Можем просто покатайся, а маме ничего не скажем. Хороший трюк.

Я ответил папе, что это правда хороший трюк и я «за», но, думаю, маме этот трюк не понравится. Папа вздохнул и сказал, что он пошутил. Я восхищаюсь своим папой, потому что у него хватает смелости шутить, когда он переживает.

Перед домом зубного врача было как раз одно место для машины.

– Невероятно, – сказал папа, – когда хочешь припарковаться, места никогда не бывает.

Я предложил папе покрутиться по кварталу – глядишь, место и займут; но папа сказал, что жребий брошен и ничего другого не остаётся, надо идти. Папа позвонил в дверь дантиста, и я сказал:

– Там никого нет, пап, давай в другой раз.

Мы собирались уйти, но тут дверь открылась, и девушка с очень милым видом предложила нам войти – доктор нас сразу примет.

Нас проводили в маленькую гостиную. Там были кресла, столик с журналами, на камине – маленькая красивая металлическая статуэтка совершенно голого человека; в одном кресле сидел ещё один человек, но не из металла и одетый. Мы сели и взяли почитать журналы, но это оказалось неинтересно, потому что почти все они были про зубы, с картинками всяких аппаратов и фотографиями того, что у людей внутри; это не очень красиво. А другие журналы были старые и потрёпанные.

Единственное, что мне понравилось, – это снимок Робика¹ в жёлтой майке лидера на обложке; там говорилось, что он собирается выиграть «Тур де Франс». Мужчина, который до этого молчал, увидел, что мы перестали читать, и заговорил с папой.

– Вы здесь из-за ребёнка? – спросил он.

Папа ответил, что из-за нас обоих.

Мужчина сказал, что не надо бояться, зубной врач очень хороший.

– Что вы! Мы и не боимся – правда, Николя?

Я был очень горд папой и сказал, как он:

– Что вы!

Тогда мужчина сказал, что мы правы, что у этого дантиста лёгкая рука, что тот ему делал операцию, когда надо было

¹ Жан Робик – победитель самой известной велогонки мира «Тур де Франс» (1947).

вскрывать дёсны, и он почти ничего не почувствовал, и рассказал кучу подробностей. Я заплакал, прибежала девушка, которая открывала дверь, и дала нам по стакану воды, потому что у папы вид тоже был невесёлый.

Тут зубной врач открыл дверь и сказал:

– Следующий!

Мужчина, который рассказывал нам про операцию, вошёл в кабинет, улыбаясь.

– Вот видишь, – сказал папа, – он не боится, и нам незачем.

Папа снова потянулся за журналом, но тут дантист снова открыл дверь, и мужчина вышел, по-прежнему улыбаясь.

– Как?! – закричал папа. – Вы уже всё?!

– Ну да, – ответил мужчина, – я пришёл заплатить. Теперь ваша очередь, бедный мой старина!

И он ушёл хохоча.

– Следующий, – сказал врач, – и, пожалуйста, побыстрее, у меня сегодня очень напряжённый день.

– Мы зайдём в другой день, – сказал папа, – когда у вас будет больше времени; мы не хотим вам усложнять жизнь. Верно, Николая?

Я уже был у выхода, когда дантист сказал, что не надо валять дурака и бояться нам нечего. Папа сказал, что он вообще не боится, что он был на войне, и втолкнул меня к врачу первым.

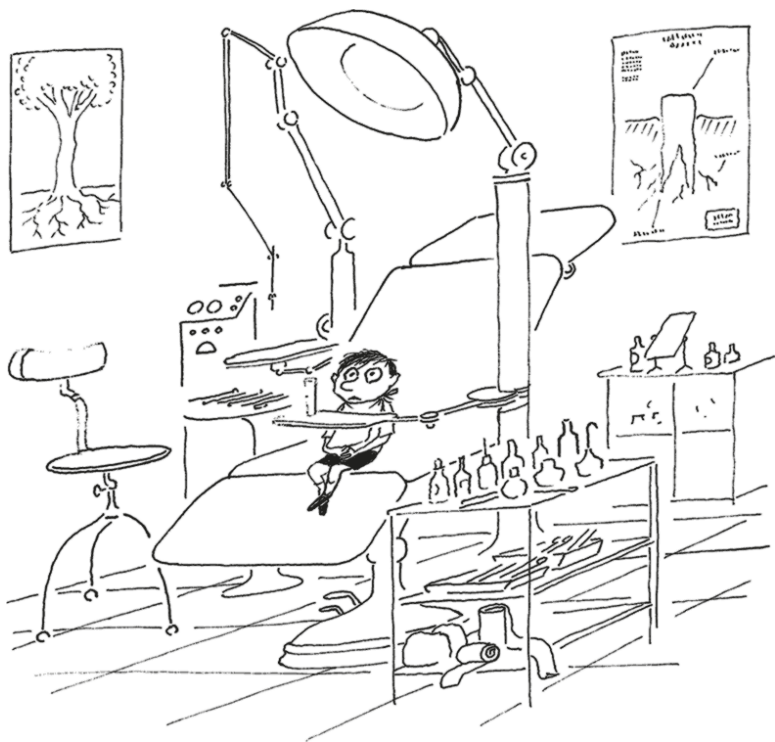
В кабинете было полно белых блестящих аппаратов и

большое кресло, как у парикмахера.

– С кого начнём? – спросил дантист, моя руки.

– Начните с малыша, – сказал папа, – у меня есть время.

Я хотел сказать, что у меня тоже куча времени, но зубной врач взял меня за руку и усадил в кресло.

Доктор был очень добрый, он сказал, что не сделает мне

больно, что положит всего чуть-чуть массы в дырку одного зуба, что я наверняка ем слишком много сладкого, но он даст мне карамельку, если я буду хорошо себя вести, пока он мной занимается. Он велел мне открыть рот, посмотрел внутрь, поскрёб немного, а потом приблизил штуковину с маленьким колёсиком, которое очень быстро крутилось. Папа вскрикнул, когда дантист залез мне в рот этой крутилкой. От неё у меня немного дрожала голова. Потом доктор заделал массой зуб, промыл мой рот, сказал: «Вот и всё!» – и дал мне конфету. Я был страшно доволен.

Зубной врач сказал папе, что теперь его очередь. Но папа сказал, что уже поздно и ему ещё надо много куда успеть. Дантист засмеялся и сказал, что надо быть серьёзнее. Я не понял, почему он это сказал, потому что я ещё никогда не видел папу таким серьёзным, как сегодня.

Папа поколебался, потом медленно пошёл к креслу.

– Откройте рот! – сказал доктор.

Папа, наверное, думал о чём-то своём, потому что врач повторил:

– Откройте рот, а не то я применю силу.

Папа послушался. Я разглядывал фотографии зубов, которые висели на стене, и вдруг услышал громкий крик. Я обернулся и увидел, как доктор трясёт рукой.

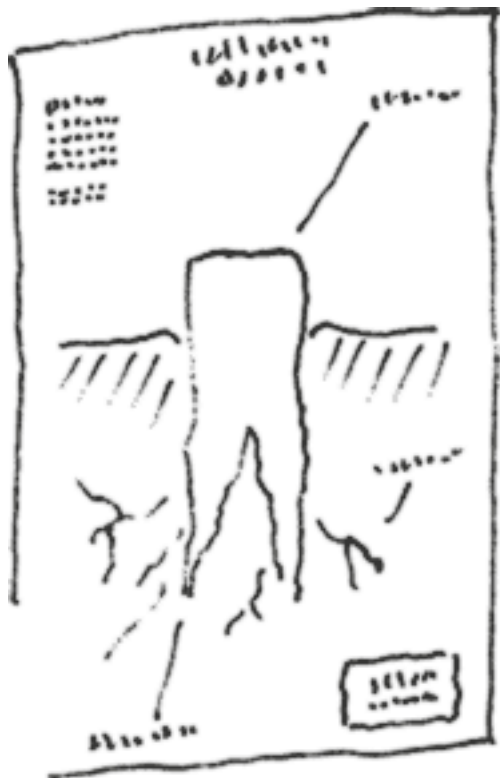
– Ещё раз укусите меня, и я вам вырву первый попавшийся зуб!

Папа сказал, что немного нервничает. Дантист взял своё колёсико, и я предупредил папу, чтобы он был осторожнее, потому что от этой штуки немного дрожит голова. Тогда уже закричал папа, и врач попросил его успокоиться, потому что это плохо влияет на пациентов, сидящих в приёмной. В общем, с папой всё было недолго и хорошо, если не считать того, что он стукнул дантиста ногой по колену. Папа встал с кресла улыбаясь.

– Ну что, Николая, мы вели себя как мужчины, а?

– Да, папочка, да! – ответил я.

И мы с папой вышли от зубного врача, такие гордые, каждый со своей карамелькой.

Опля!

Жоффруа сегодня пришёл в школу с большой коробкой под мышкой. У Жоффруа очень богатый папа, который ему вечно покупает потрясные вещи.

На перемене Жоффруа показал нам, что у него в коробке: это оказалась игра с большой складывающейся картонкой, на которой были клетки с цифрами; ещё там были кубики, и фигурки животных, и бумажки с надписями: «100 франков», «1000 франков» и «1 миллион франков». Вот класс!

Жоффруа заявил, что хорошо выучил правила игры, это было довольно трудно, но он всё понял: кидаешь кубики, двигаешь животных по клеткам, а потом получаешь право покупать клетки за деньги, и, когда кто-нибудь проходит через эти клетки, тот, кто их купил, кричит: «Опля!» – и дру-

гой должен заплатить ему за проход.

Тот, кто получит все клетки, – это великий Опля, он и есть победитель. Папа Жоффруа сказал Жоффруа, что это очень полезная игра, она развивает коммерческое чутьё и лучше играть в неё, чем в наши дикие игры, от которых бывают только шишки. Игра называется «Опля!».

– Сыграем прямо сейчас, – предложил Жоффруа.

– На перемене? – удивился Руфюс.

– А что такое? – спросил Жоффруа.

– Ну, это игра не для перемены, – сказал Руфюс. – Для перемены годится футбол, вышибалы, ну там, регби-пятнадцать или ковбои и индейцы. А твоя игра – для дома, когда идёт дождь. И вообще это девчачья игра.

– Ладно, ты в мою игру играть не будешь, – сказал Жоффруа. – В общем, ты тут и не нужен.

– По морде захотел? – спросил Руфюс.

И они подрались, но Клотер сказал, что если они будут так себя вести, то перемена закончится, а мы так и не успеем поиграть. И Руфюс сказал, что хорошо, он согласен, но у него такое же право играть, как у всех остальных, даже в игру, которая ему не нравится, но если ему не дадут играть, он даст по морде тому, кто будет мешать, и Жоффруа сказал: «Ах так?» – а Клотер сказал, что если они начнут драться, то перемена закончится, а мы так и не успеем поиграть.

Тогда мы все отошли в угол двора, положили «Опля!» на землю и расселись вокруг.

– Хорошо, – сказал Жоффруа, – теперь каждый должен выбрать животное. Я беру лошадь.

– Это ещё почему? – спросил Жоаким.

– Потому что она мне нравится и это моя игра, вот почему и лошадь будет моя.

– Да ну? – сказал Жоаким.

А Клотер сказал, что если они начнут драться, то перемена закончится, а мы так и не успеем поиграть и что это кошмар, если мы не можем вести себя спокойно в тот единственный раз, когда учительница не оставила его на перемену. И Клотер был прав.

– Клотеру, естественно, полагается осёл, – сказал Руфюс.

Клотер стукнул его, и они стали драться. Потом Жоффруа раздал нам животных; я получил собаку, Мексан – курицу, Эд – корову. Альцест был очень доволен – ему досталась свинья. Альцест однажды сказал мне, что очень любит свиней после того, как прочитал, что у свиньи съедобно всё, а то, что остаётся, идёт на колбасу. На Клотера и Руфюса животных не хватило, но это ни на что не повлияло, потому что они были заняты – по очереди били друг друга и приговаривали: «На вот, попробуй!»

– Так, – сказал Жоффруа, – теперь ставим всех животных на старт, и я начинаю.

– Это ещё почему? – спросил Жоаким.

– Потому что лошадь всегда начинает, – ответил Жоффруа. – Так написано в правилах игры.

Он бросил кубики; выпала двойная шестёрка, Жоффруа продвинул лошадь на кучу клеток и получил пакет денег. Потом кубики бросил Мексан; у него вышло два и три, и Жоффруа сказал, чтобы он подвинул свою курицу на пять клеток. Ну, Мексан подвинул курицу, и Жоффруа закричал:

– Опля!

– Что – опля? – спросил Мексан.

– Всё верно, – сказал Клотер. – Ты на клетке Жоффруа, вот тут; если хочешь сойти с неё, плати.

– А ты чего вмешиваешься? – спросил Мексан.

– Во-первых, у меня есть право вмешиваться, если хочу, – сказал Клотер. – А ещё у меня сейчас перемена, как и у всех. Мы с Руфюсом больше не дерёмся, и я хочу играть в «Опля!», а если тебе не нравится, то я могу по шее дать!

Пока Клотер с Мексаном дрались, Руфюс взял курицу и сказал, что будет играть вместо Мексана. Потом кубики бросил Эд, и выпала двойная двойка.

– Ты идёшь в тюрьму, – сказал Жоффруа.

Но Эд сказал, что не желает в тюрьму, и Жоффруа ответил, что ладно, можно туда и не идти. Не думаю, чтобы такое было в правилах; наверное, всё дело в том, что Эд очень сильный и Жоффруа не слишком хотелось с ним драться. Тогда бросил я и получил двойную шестёрку.

– Ты должен заплатить штраф, – сказал Жоффруа. – Второй, у кого выпала двойная шестёрка, платит штраф первому, так сказано в правилах. Ты мне должен миллион.

Я ему ответил, чтобы он меня не смешил и что я не собираюсь платить штраф. Тогда Эд сказал, что надо играть по правилам, иначе это нечестно. И я двинул ему ногой, а так как Эд меня не боится – ну честно, – он дал мне кулаком в нос, и у меня из глаз брызнули слёзы, а вообще я не заплакал; так всегда бывает, когда Эд бьёт меня кулаком в нос, это забавно, и я сказал Жоффруа, что, бьют меня в нос или нет, я всё равно над ним смеюсь и не буду платить миллион. А Жоффруа сказал, что если я не заплачу, то не могу больше играть в «Опля!», и я дал по «Опля!» ногой.

Но как раз настала очередь Альцеста бросать, и он уже вытянул руку, в которой были кубики и тартинка, и выпала тартинка, и Альцест страшно разозлился. И Жоффруа сказал, что мы все завидуем, потому что наши папы не дарят

нам таких замечательных игр, а он выигрывал.

– Не смей меня, – сказал Эд, – это я выигрывал; я стал бы великим Опля.

Но Жоффруа сказал Эду, что тот всего-навсего великий болван, и они подрались.

Мы здорово повеселились; Мексан кричал:

– Пас! Пас!

И Руфюс кинул ему свинью Альцеста, а Эд сел на Жоффруа и пытался заставить его съесть карточку с 1000 франков.

А потом прибежал Бульон, который не любит, когда мы веселимся на перемене. Он всех нас поставил в угол, конфисковал то, что осталось от «Опля!», и назначил наказание на четверг Жоффруа и Клотеру, который не хотел вставать в угол.

Но на следующий день Жоффруа сказал, что дело, возможно, будет улажено, потому что его папа хочет жаловаться директору, так как не понимает причины наказания.

И знаете, что сказал директор?

– Этот учащийся наказан за то, что принёс в школу опасную игру, которая развивает у его товарищей дикие инстинкты!

Свадьба Мартины

Сегодня суббота, но я не пошёл в школу, потому что моя кузина Мартина выходит замуж и приглашена вся семья.

Утром мы дома встали рано, и мама велела мне умыться как следует, не забыв про уши, потом она постригла мне ногти, причесала с пробором на боку и пригладила вихры бриллиантином; на меня надели сверкающую белую рубашку, красную бабочку, тёмно-синий костюм, чёрные туфли, которые блестели ещё сильнее, чем рубашка, в передний карман пиджака засунули платок – не для сморкания, а для красоты, и я был очень рад, что меня не могут увидеть друзья.

Папа надел свой полосатый костюм и немного поспорил с мамой, которая хотела, чтобы он был в галстук, её подарке. Но папа сказал, что этот галстук слишком легкомысленный для свадьбы, и надел серый.

На маме было классное платье с нарисованными наверху цветами и большущая шляпа; было странно видеть маму в шляпе, но ей шло.

А когда мы выходили, месье Бледур, наш сосед, который был у себя в саду, сказал, что мы все классные, все трое. Папе – уж не знаю почему – не понравилось то, что сказал месье Бледур, и он ответил, что собака лает, а караван идёт! Но я так и не понял, о чём это говорили папа и месье Бледур!

Когда мы пришли в мэрию, там уже собралась почти вся семья: бабуля, тётя Матильда, дядя Сильвен, тётя Доротея и дядя Эжен; они все целовали меня и говорили, что я очень вырос. Ещё были мои двоюродные братья Рош и Ламбер (они очень похожи, потому что близнецы), их сестра Кларисса (она на них совсем не похожа, потому что старше) в белом платье, очень жёстком, кругом в дырочках, и мой двоюродный брат Элуа, который насмешил меня своими приглажен-

ными волосами и белыми перчатками. А ещё там были люди, которых я не знал: жених Мартины, весь красный, сам в чёрном пиджаке, очень длинном сзади, как в одном фильме, который я смотрел; потом девушка, его сестра, и один месье, который говорил какой-то даме, чтобы она перестала плакать, вот потеха!

Потом приехала большая чёрная машина, обвешенная цветами, и все закричали, и из машины вышла Мартина и её родители. У мамы Мартины глаза были красные, и она всё время сморкалась. Мартина была очень красивая, такая классная, вся в белом, с вуалью, которая зацепилась за дверцу автомобиля, и с букетиком в руках. В свадебном платье она была похожа на девочку в день первого причастия.

Мы все прошли в мэрию и стали ждать своей очереди, когда выйдут другая свадьба, и мама Мартины и мама её жениха всё время плакали, а потом нам сказали, что можно заходить. Мы вошли в очень классный зал с красными скамейками, как в кукольном театре, только вместо ширмы стоял стол; появился месье в сине-бело-красном поясе – это был мэр, – и все встали, словно в школе, когда в класс входит директор. Потом мы сели, и мэр сказал речь про то, как Мартина и её жених отплывают на корабле и будет много бурь, но он верит, что они сумеют избежать подводных камней. Но я понял не всё из его слов, потому что сидел за мамой Мартины, а она очень шумно плакала – наверное, сильно переживала, узнав, что Мартина уплывает в путешествие на па-

роходе, когда там столько бурь.

А потом Мартина, её жених, дядя Эжен и сестра жениха Мартины встали, чтобы расписаться в большой книге, и мэр сказал, что Мартина с её женихом теперь в браке, и нам пришлось быстро уйти, так как там уже ждала другая свадьба.

Мы вышли из мэрии, и мужчина, который нас уже снимал, поставил всех в ряд и снова сфотографировал – Мартина и её муж посередине, остальные по бокам, а дети впереди. Все сделали улыбки, даже мама Мартины и мама Мартинового мужа, но после съёмки они опять заплакали. Дальше все сели в машины и поехали в церковь, и Мартина с её мужем снова поженились, это было классно – музыка, цветы, а на выходе из церкви нас снова ждал тот же фотограф; он заставил всех вернуться в церковь и ещё раз выйти, чтобы сфотографировать. И потом он расставил нас на ступеньках церкви, как раньше перед мэрией, а на тротуаре стояли люди, смотрели на нас и смеялись.

Мы опять сели по машинам и поехали в ресторан. Папа мне сказал, что там заказан целый зал только для нас и что я должен хорошо себя вести, а мама сказала, что не надо слишком много есть, чтобы не заболеть. Дядя Эжен с красным носом ехал в одной машине с нами; он сказал, чтобы меня оставили в покое, ведь не каждый день в семье бывает свадьба, а папа в ответ спросил, чего тот ждёт, чтобы жениться. Дядя Эжен ответил, что он женился бы только на моей маме, и мама засмеялась и сказала, что дядя Эжен никогда не пе-

ременится, а папа сказал, что жалко! И когда мы приехали в ресторан, фотограф уже ждал там и снова нас снял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.